

КОНЁК-ГОРБУНОК

Часть первая

•••••

НАЧИНАЕТ СКАЗКА СКАЗЫВАТЬСЯ...

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.
У крестьянина три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счётом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.

В долгом времени аль вскоре
Приключилося им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить¹.
Мужички такой печали
Отродяся не видали;
Стали думать да гадать —
Как бы вора соглядать².
Наконец себе смекнули³,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат сбираться,
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник⁴.

Ночь проходит, день приходит;
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождём я весь промок
С головы до самых ног».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?

¹ Шевелить — *здесь*: поедать, топтать.

² Соглядать — подсмотреть.

³ Сmekать — догадываться, соображать.

⁴ Сенник — сарай с сеном.

Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;
На моё ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, всё благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всём,
Не ударил в грязь лицом».
Стало сызнава смеркаться;
Средний брат пошёл собирать.
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на мáлого напала,
Зубы начали плясать;

Он ударился бежать —
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!

Но вот утро. Он к крыльцу:
«Эй вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз,
До животиков промёрз».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да, к моей судьбе несчастной,
Ночью холод был ужасный,
До сердцов меня пробрал;

Всю я ночку проскакал;
Слишком было несподручно¹...
Впрочем, всё благополучно». .
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведёт,
На печи в углу поёт
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»
Братья ну ему пенять²,
Стали в поле погонять,
Но сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец
Подошёл к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша.
Я куплю тебе лубков³,
Дам гороху и бобов». .
Тут Иван с печи слезает,
Малахай⁴ свой надевает,
Хлеб за пазуху кладёт,
Караул держать идёт.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле всё Иван обходит,
Озираючись⁵ кругом,
И садится под кустом:
Звёзды на небе считает
Да краюшку уплетает.

¹ Несподручно — неудобно, трудно.

² Пенять — укорять, упрекать.

³ Лубки — *здесь*: ярко раскрашенные картинки.

⁴ Малахай — *здесь*: длинная, широкая одежда без пояса.

⁵ Озираться — оглядываться, осматриваться.

Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.

Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива — в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! так вот какой
Наш воришко!.. Но, постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуто улуча¹,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И садится на хребёт —
Только задом наперёд.
Кобылица молодая,
Очью² бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась, как стрела.

¹ Улучить — найти, выбрать.

² Очью (бчи) — глазами.

Вьётся крúгом над полями,
Виснет пластью¹ надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,
Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном.
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван, — ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною
Сколько смыслишь. Да смотри:
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трёх дней²
Двух рожу тебе коней —
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да ещё рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабку.
На земле и под землёй
Он товарищ будет твой;
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет;

¹ Пластью — пластом, неподвижно, вытянувшись.

² По исходе же трёх дней — через три дня.

В голод хлебом угостит,
В жажду мёдом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

«Ладно», — думает Иван
И в пастуший балаган¹
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
«Ходил молодец на Пресню».

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля² не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь вскричали:
«Кто стучится сильно так?» —
«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать —
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведёт оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,
Звёзды на́ небе считал;

¹ Балага́н — *здесь*: шалаш, сарай.

² Крoвля — крыша.

Месяц, ровно¹, тоже свѣтил, —
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бородою и с усам;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то — что те плоски!
Вот и стал тот чѣрт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею —
И вскочи ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал,
Но и я ведь сам не промах²,
Слышь, держал его как в жóмах³.
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил,
Да чертѣнку и поверил».
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни серчали,
Не смогли — захохотали,
Ухватившись под бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слѣз не посмеяться,
Хоть смеяться — так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, —

¹ Рóвно — *здесь*: как будто, словно бы.

² Не прóмах — не глуп, хитѣр, догадлив.

³ Как в жóмах (жóмы) — как в тисках, очень крепко.

Я про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, —
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.

Ну-с, так вот что! Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Натянувшись зельно¹ пьян,
Затащился в балаган.
Что ж он видит? — Прекрасивых
Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
«Хм! Теперь-то я узнал,
Для чего здесь дурень спал!» —
Говорит себе Данило.
Чудо разом хмель посбило.
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
«Посмотри, каких красивых
Двух коней золотогривых
Наш дурак себе достал:
Ты и слыхом не слыхал».
И Данило да Гаврило,
Что в ногах их мочи было,
По крапиве прямоком
Так и дуют босиком.

Спотыкнувшись три раза,
Починивши оба глаза,
Потирая здесь и там,
Входят братья к двум коням.
Кони ржали и храпели,

¹ Натянúвшись зельно — напившись сильно.

Очи яхонтом¹ горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты.
Любо-дорого смотреть!
Лишь царю б на них сидеть.
Братья так на них смотрели,
Что чуть-чуть не окривели.
«Где он это их достал? —
Старший среднему сказал. —
Но давно уж речь ведётся,
Что лишь дурням клад даётся,
Ты ж хоть лоб себе разбей,
Так не выбьешь двух рублей.
Ну, Гаврило, в ту седмицу²
Отведём-ка их в столицу;
Там боярам³ продадим,
Деньги ровно поделім.
А с деньжонками, сам знаешь,
И попьёшь и погуляешь,
Только хлопни по мешку.
А благому дураку
Недостанет ведь догадки,
Где гостят его лошадки;
Пусть их ищет там и сям.
Ну, приятель, по рукам!»
Братья разом согласились,
Обнялись, перекрестились
И вернулись домой,
Говоря промеж собой
Про коней и про пирушку
И про чюдную зверушку.

¹ Яхонт — драгоценный камень.

² Седмица (неделя) — *здесь*: седьмой день недели — воскресенье.

³ Бояре — знатные дворяне, приближённые царя.

Время катит чередом,
Час за часом, день за днём.
И на первую седмицу
Братья едут в град-столицу,
Чтоб товар свой там продать
И на пристани узнать,
Не пришли ли с кораблями
Немцы в город за холстами
И нейдёт ли царь Салтан
Басурманить¹ христиан.
Вот иконам помолились,
У отца благословились,
Взяли двух коней тайком
И отправились тишком².

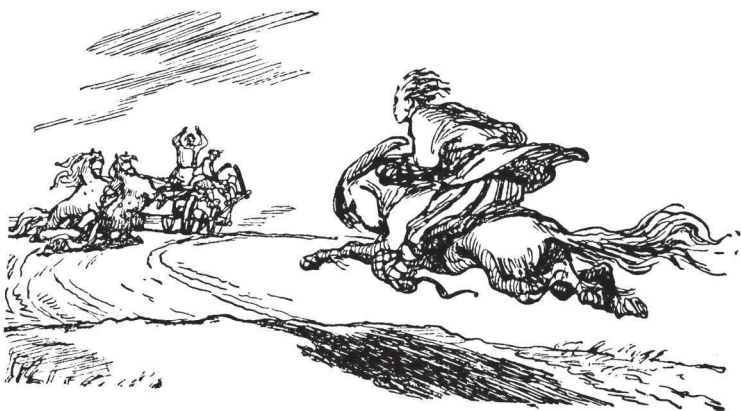
Вечер к ночи пробирался;
На ночлег Иван собрался;
Вдоль по улице идёт,
Ест краюшку да поёт.
Вот он поля достигает,
Руки в боки подпирает
И с прискочкой, словно пан,
Боком входит в балаган.

Всё по-прежнему стояло,
Но коней как не бывало;
Лишь игрушка-горбунок
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами.
Как завоет тут Иван,
Опершись о балаган:
«Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал,
Да какой вас чёрт украл?»

¹ Басурманить — обращать в чужую веру.

² Тишкóм — тихо, незаметно.

Чтоб пропасть ему, собаке!
Чтоб издохнуть в буераке!¹
Чтоб ему на том свету
Провалиться на мосту!
Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!»
Тут конёк ему заржал.

«Не тужи, Иван, — сказал, —
Велика беда, не спору;
Но могу помочь я горю.
Ты на чёрта не клепли²:
Братья коников свели³.
Ну, да что болтать пустое,
Будь, Иванушка, в покое.
На меня скорей садись,
Только знай себе держись;
Я хоть росту небольшого,
Да сменю коня другого:
Как пуцусь да побегу,
Так и беса настигу⁴».

¹ Буера́к — небольшой овраг.

² Не кле́пли — не обвиняй напрасно, не клевети.

³ Свести́ — увести, украсть.

⁴ Настигу́ — настигну, догоню.

Тут конёк пред ним ложится;
На конька Иван садится,
Уши в за́греби¹ берёт,
Что есть мочушки ревёт.
Горбунок-конёк встряхнулся,
Встал на лапки, встрепенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелою полетел;
Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами.
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

Братья, то есть, испугались,
Зачесались и замялись².
А Иван им стал кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее:
Он у вас коней не крал».
Старший, корчась, тут сказал:
«Дорогой наш брат Иваша,
Что переться³ — дело наше!
Но возьми же ты в расчёт
Некорыстный наш живот⁴.
Сколь пшеницы мы ни сеем,
Чуть насущный хлеб имеем.
До оброков⁵ ли нам тут?
А исправники⁶ дерут.

¹ В за́греби — *здесь*: в руки.

² Замя́ться — почувствовать смущение, неловкость.

³ Переться — спорить, отпираться, отказываться.

⁴ Некоры́стный наш живо́т — бедную нашу жизнь. Живо́т — *здесь*: жизнь.

⁵ Обро́к — деньги или продукты, которые при крепостном праве крестьяне должны были отдавать своему помещику.

⁶ Испра́вник — начальник сельской полиции в дореволюционной России.

Вот с такой большой печали
Мы с Гаврилой толковали
Всю намеднишнюю¹ ночь:
Чем бы горюшку помочь?
Так и этак мы вершили,
Наконец вот так решили:
Чтоб продать твоих коньков
Хошь за тысячу рублёв.
А в спасибо, молвить² к слову,
Привезти тебе обнову³ —
Красну шапку с позвонком
Да сапожки с каблучком.
Да к тому ж старик немóжет⁴,
Работáть уже не может;
А ведь надо ж мыкать⁵ век, —
Сам ты умный человек!» —
«Ну, коль этак, так ступайте, —
Говорит Иван, — продайте
Златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня».
Братья больно покосились,
Да нельзя же! согласились.

Стало нá небе темнеть;
Воздух начал холодеть;
Вот, чтоб им не заблудиться,
Решено остановиться.
Под навесами ветвей
Привязали всех коней,
Принесли с естным⁶ лукошко,
Опохмелились немножко
И пошли, что боже даст,
Кто во что из них горазд.

¹ Намédнишняя — прошедшая.

² Мóлвить — сказать.

³ Обнóва — новая вещь.

⁴ Немóжет — болеет; немóчь — болеть.

⁵ Мы́кать — *здесь*: прожить.

⁶ С естным — с едой.

Вот Данило вдруг приметил,
Что огонь вдали засвѣтил.
На Гаврилу он взглянул,
Левым глазом подмигнул
И прикашлянул легонько,
Указав огонь тихонько;
Тут в затылке почесал,
«Эх, как тёмно! — он сказал. —
Хоть бы месяц этак в шутку
К нам проглянул на минутку,
Всё бы легче. А теперь,
Право, хуже мы тетерь...
Да постой-ка... мне сдаётся¹,
Что дымок там светлый вьѣтся.
Видишь, эвон²!.. Так и есть!..
Вот бы курево³ развесть!
Чудо было б!.. А послушай,
Побегай-ка, брат Ванюша!
А, признаться, у меня
Ни огнива, ни кремня». —
Сам же думает Данило:
«Чтоб тебя там задавило!»
А Гаврило говорит:
«Кто-петь⁴ знает, что горит!
Коль станичники⁵ пристали —
Поминай его, как звали!»⁶»

Всё пустяк для дурака.
Он садится на конька,
Бьёт в круты бока ногами,
Теребит-его руками,
Изо всех горланит сил...

¹ Сдаётся — *здесь*: кажется, думается.

² Эвон — вон там.

³ Кúрево — *здесь*: огонь, костёр.

⁴ Ктó-петь — *здесь*: кто же.

⁵ Станичники — *здесь*: разбойники.

⁶ Поминай его, как звали (*поговорка*) — он не вернётся — про-
падёт.

Конь взвился — и след простыл.
«Буди с нами крестна сила! —
Закричал тогда Гаврило,
Оградясь крестом святым. —
Что за бес такой под ним!»

Огонёк горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнём.
Светит поле словно днём;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.
Диву дался тут Иван.
«Что, — сказал он, — за шайтан!
Шапок с пять найдётся свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо-огонёк!»

Говорит ему конёк:
«Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы,
Но для счастья своего
Не бери себе его.

Много, много непокою
Принесёт оно с собою». —
«Говори ты! Как не так!» —
Про себя ворчит дурак.
И, подняв перо Жар-птицы,
Завернул его в тряпицы,
Тряпки в шапку положил
И конька поворотил.
Вот он к братьям приезжает
И на спрос их отвечает:
«Как туда я доскакал,
Пень горелый увидал;
Уж над ним я бился, бился,
Так что чуть не надсадился¹;
Раздувал его я с час —
Нет ведь, чёрт возьми, угас!»
Братья целу ночь не спали,
Над Иваном хохотали;
А Иван под воз присел,
Вплоть до утра прохрапел.

Тут коней они впрягали
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд,
Супротив² больших палат.

В той столице был обычай:
Коль не скажет городничий³ —
Ничего не покупать,
Ничего не продавать.
Вот обедня⁴ наступает;
Городничий выезжает
В туфлях, в шапке меховой,
С сотней стражи городской.

¹ Надсадиться — надорваться, повредить себе что-нибудь.

² Супротив — напротив.

³ Городничий — начальник города в старину.

⁴ Обедня — церковная служба.

Рядом едет с ним глашатый¹,
Длинноусый, бородатый;
Он в злату трубу трубит,
Громким голосом кричит:
«Гости!² Лавки отпирайте,
Покупайте, продавайте.
А надсмотрщикам сидеть
Подле лавок и смотреть,
Чтобы не было содому³,
Ни давёжа⁴, ни погрому
И чтобы никой урод
Не обманывал народ!»
Гости лавки отпирают,
Люд крещёный закликают:
«Эй, честные господа,
К нам пожалуйте сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!»
Покупальщики⁵ идут,
У гостей товар берут;
Гости денежки считают
Да надсмотрщикам мигают.

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрит — давка от народу,
Нет ни выходу, ни входу;
Так кишмя вот и кишат,
И смеются, и кричат.
Городничий удивился,
Что народ развеселился,
И приказ отряду дал,
Чтоб дорогу прочищал.

¹ Глашаты́й — человек, объявляющий народу какие-нибудь известия (от имени царя).

² Го́сти — старинное название купцов, торговцев.

³ Содо́м — шум, беспорядок.

⁴ Давёж — давка, теснота.

⁵ Покупальщики — покупатели.

«Эй! вы, черти босоноги!
Прочь с дороги! прочь с дороги!» —
Закричали усачи
И ударили в бичи.
Тут народ зашевелился,
Шапки снял и расступился.

Пред глазами конный ряд;
Два коня в ряду стоят.
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой...
Наш старик, сколь ни был пылок,
Долго тёр себе затылок.
«Чуден, — молвил, — божий свет,
Уж каких чудес в нём нет!»
Весь отряд тут поклонился,
Мудрой речи подивился.
Городничий между тем
Наказал престрого всем,
Чтоб коней не покупали,
Не зевали, не кричали;
Что он едет ко двору
Доложить о всём царю.
И, оставив часть отряда,
Он поехал для доклада.

Приезжает во дворец.
«Ты помилуй, царь-отец! —
Городничий восклицает
И всем телом упадает. —
Не вели меня казнить,
Прикажи мне говорить!»
Царь изволил молвить: «Ладно,
Говори, да только складно». —
«Как умею, расскажу:
Городничим я служу;

Верой-правдой исправляю
Эту должность...» — «Знаю, знаю!» —
«Вот сегодня, взяв отряд,
Я поехал в конный ряд.
Приезжаю — тьма народу!
Ну, ни выходу, ни входу.
Что тут делать?.. Приказал
Гнать народ, чтоб не мешал.
Так и сталось, царь-надёжа!
И поехал я — и что же?
Предо мною конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые,
В мелки кольца завитой,
Хвост струится золотой,
И алмазные копыты
Крупным жемчугом обиты».

Царь не мог тут усидеть.
«Надо ко́ней поглядеть, —
Говорит он, — да не худо
И завести такое чудо.
Гей, повозку мне!» И вот
Уж повозка у ворот.
Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился;
За царём стрельцов¹ отряд.

Вот он въехал в конный ряд.
На колени все тут пали
И «ура» царю кричали.
Царь раскланялся и вмиг
Молодцом с повозки прыг...

¹ Стрельцы́ — воины; в Московском государстве XVI–XVII веков стрельцами называли постоянное войско.